

Гонец из Пизы

Часть первая
ДЕПУТАТ БАЛТИКИ

1.

«Что тебе снится, крейсер „Аврора“?»
Зигмунд Фрейд, «Толкование сновидений».

«Корабли постоят. И ложатся. На курс.
Но они возвращаются...»
Владимир Высоцкий, «Лоция».

«Все вымпелы выютя и цепи гремят!»
Песнь варяжского гостя из оперы «Садко».

«Пролетариям терять нечего, кроме своих цепей,
возьмемся за руки, друзья, соединяйтесь».
Реклама шоколада «Маркс».

«И тогда нам экипаж — семья».
*Свадебный марш Мендельсона в постановке
Р.Виктюка.*

«Забил заряд я в тушку Пуго».
М.Ю.Лермонтов, «Октябрино».

«И тогда Снорри Стурлусон снарядил большой
корабль, чтобы достичь того берега».
Младшая Эдда.

«Все, что плавает, раньше или позже утонет».
Архимед, «Физика».

«Атакуйте! Топите их всех!»

Резолюция гросс-адмирала Деница.

«Ты лжец, Нам-Бок, ибо все знают, что железо не может плавать».

Джек Лондон, «Морской волк».

«Семь футов под килем!»

Формула счастья.

«Полундра!»

Честное предупреждение.

«Изъятие испорченного листа из вахтенного журнала оформить актом. Дежурному по кораблю лейтенанту Беспятым за порчу вахтенного журнала и нахождение на вахте в нетрезвом состоянии объявляю пять суток ареста при каюте.

Командир корабля

капитан первого ранга Ольховский

(подпись)».

2.

Давайте назовем это для пущей внятности экспозицией, или рекогносцировкой, или привязкой по местности, или преамбулой. Ступим на мостовую с тротуара, поднимем руку, и почти сразу частник из правого ряда отслоится от движения Невского, вильнет к бровке и притормозит, перегнувшись к правой дверце.

— К «Авроре». — И поясним для непонятливых, чтоб не переспросили насчет кафе, магазина, ресторана или гостиницы: — К крейсера. — И уж для самых туповатых уточним: — На Петроградскую набережную. К Сампсониевскому мостику. — И хотя последнее уточнение звучит явно излишним, но способно доставить самому клиенту удовольствие своей осведомленностью.

Разумный водитель тут же свернет по Большой Конюшенной к Мойке, обогнет Марсово поле вдоль Лебяжьей Канавки, вырулит на набережную Невы и через Троицкий мост перескочит к Петро-

павловке — а там направо по Петровской, мимо громады Дома политкаторжан и крошечного домика Петра, пятьсот метров до поворота — и вот слева из-за угла, где проток Большой Невки отделяет Выборгскую сторону с бело-голубой коробищей гостиницы «Санкт-Петербург», — вылезает фок-мачта и мостик легендарного революционного крейсера.

В масштабе города он производит впечатление ностальгически небольшого. Две мощные, коробчатого металла штанги намертво приварили его правым бортом к набережной. А на самой набережной торгуют кока-колой, матрешками и значками. И вахтенный в скворечнике перед трапом скучает детским лицом.

А теперь — несколько слов про всем известный трехтрубный силуэт, шаровую краску, оттяжки стеньг, узкий латунный оклад иллюминаторов, и сомнение, стоит ли упоминать несоразмерно незначительные орудия, четырнадцать шестидюймовых стволов которых, впрочем, теоретически способны разнести все в радиусе пятнадцати километров. Крейсер не выглядит самоходной подставкой для своей артиллерии — каковой он, в сущности, является: мысль об этом странна, корабль — нечто значительное, цельное, комфортное для восприятия.

И однако ощущение общей ненужности и неожиданной неинтересности экспоната не оставляет зрителя. Слишком уж недотягивает бытовой облик оригинала до его мифической сущности. Виной тому и тотальная разочарованность эпохи, и нерешенность рутинных забот, равно пригибающих команду и посетителей.

Вход бесплатный.

3.

Подобно многим гадостям и проблемам, эта пришла со стороны Финляндского вокзала. Впоследствии, многократно возвращаясь мыслью к началу всего, Ольховский усматривал ехидный перст судьбы в том не лишенном символа обстоятельстве, что англичане явились непосредственно после осмотра ленинского паровозика (германской постройки локомотивы обслуживали российские линии той эпохи; и что стоило котлу взорваться бы когда надо) и памятника на площади, где вождь указывал на юг, в сторону Москвы, стоя на башне броневика английской системы «Остин», пулемет которого был сориентирован параллельно с указующим жестом руки. Город-музей Петербург вообще так густо профарширован символа-

ми, что куда ни плюнь — во всем готова явить себя изящная до назойливости аллегория.

Перст судьбы, да еще «ехидный», в подсознании ассоциировался с общей греховностью, и позднее Ольховский придумал в качестве определения своей роли в истории красивую и многозначительную фразу: «На всяком грех, да не всякому крест». В курсантские годы он пописывал стишки. Вообще во многих каперангах погибли эстеты и интеллектуалы. Служба такая. Может, оно и к лучшему.

Неизвестно на кой черт Ольховский прогнулся и выставил сигнальщика, чтоб он засек, значит, англичан непосредственно от их двухбашенного броневика, передавшего исторический привет нашему двуглавному орлу. Хотя приданный им кавторанг из Главупра флота был специально снабжен мобильным телефоном — для лучшей координации действий в таких случаях.

Телефон позвонил, сигнальщик доложил, Ольховский выждал время по часам и лично поднялся на палубу.

Английские гардемарины вырабатывают осанку так: встают к стене, касаясь ее пятками, икрами, ягодицами, лопатками и затылком, так что задний фасад сливается с идеалом вертикальной плоскости, и стоят так по полчаса и более ежедневно, вбивая в память тела требуемую офицерскую выправку до полного автоматизма. Ольховский подумал об этом, встречая англичан у трапа: не надо быть Шерлоком Холмсом, чтобы определить британского морского офицера в штатском среди толпы. Здесь же они были в форме, маленьким стройным порядком в семь единиц.

Делегацию бывших союзников возглавлял коммодор Горацио Уоллпол. Через час присутствия англичан на борту Ольховский ощущал свой крест чем-то вроде гвоздя в пятке, и гвоздь этот рос и превращался в кол, причем совсем в ином месте: это ощущение способствует флотской прямоте осанки, но мало полезно для хорошего настроения. Даже недолгое общение с тезкой славного Нельсона позволяло ясно понять, почему многочисленные народы Британской Империи веками мечтали перерезать всех англичан. Для большего уподобления хотелось как минимум выбить ему глаз.

Картинно седой и сухопарый коммодор совал этот глаз в паре с другим во все дыры так, словно от его усилий впрямую зависела история — например, еще немного усилий, и личными героическими действиями крейсера «Аврора» будет выиграно Цусимское сражение, как следствие — вся Русско-Японская война, революции девятьсот пятого года не будет, и вообще все теперь пойдет иначе.

Он выразил свое непонимание по поводу отсутствия элеватора бакового орудия — того самого, с надраенной латунной табличкой на щите. «Ведь посетители не поймут, как и откуда подавались снаряды?..» Посоветовал наполнить беседочные гильзы главного калибра декоративными пороховыми картузами — «для наглядности». Снятые ступени трапа на верхний мостик (чтоб посетители не лазали) заставили его постоять и тупо посмотреть на то место, где им полагалось быть. При виде действительно жалких остатков машинного и котельного отделений он подергал углом рта, словно туда была приклеена веревочка. Вежливо удивился общей душевой в офицерском коридоре. А в командирском салоне изъявил сожаление по отсутствию двух казематных семидесятипятимиллиметровок и заваренным портам для них — «это позволяло ощутить боевой дух офицерского быта». Гость. Ну не сука ли.

В резком свете ветреного апрельского дня крейсер светился, играя бликами и треща флагами. Выходя на открытые палубы, офицеры придерживали фуражки. Ольховский таскал англичан по «Авроре» лично, проклиная тараканью дотошность сильно образованных бывших собратьев по оружию. Английская вежливость имела унижительную форму. Ольховский указывал на безукоризненное качество тиковых настилов и врал про работающую паровую машину командирского катера. И мстительно прикидывал минуты до поры, когда уложит британцев поперек салона правильными дозами водки в грамотном темпе флотских тостов за дружбу, море, походы, победы, карьеры и шторма.

Но топороподобные тараны британских мореманов цвет имели сизый, как боевой металл, не только от пребывания на холодном ветру, и этот номер в командирской программе также не прошел. Выпили за флаги и корабли, Ее Величество и Президента, исполнение долга и непотопляемость, но Ее Величества флота офицеры лишь все более соответствовали тройному исключению из правил на суффикс «ян»: стеклянный, оловянный, деревянный. Банку они держали блестяще. Надобно и учесть, что традиционный ром в полтора раза крепче водки: школа.

— Рул Британия, — с угрюмым уважением признал старпом.

— Боже царя храни, — по размышлении отозвался коммодор.

Сопровождавший англичан кавторанг уже делал страшные глаза — что удавалось легко, глаза стали красными и стояли поперек лба. Уже пыхнули и поплыли кольцами клубы «кэпстена» и вонючие струйки «Петровских». Уже ушастый, как чайник, английский лейтенант тихо поставил недопитую чарку. Уже Ольховский откры-

то и лицемерно взглянул на часы: не задерживать гостей в их насыщенном петербургском графике. Когда — Уоллпол щелкнул пальцами, взял у своего личного вестового (!) кейс, вынул из него бланк и развинтил авторучку толщиной с мачту — дорогой «Waterman», как определил Ольховский, поднаторевший за годы командирства на «Авроре» в аксессуарах дипломатии.

Коммодор заполнил бланк и повернул к Ольховскому.

— Я имею честь от имени Британского Адмиралтейства пригласить господина капитана первого ранга посетить с ответным визитом Ее Величества корабль «Белфаст». Все расходы по визиту Адмиралтейство берет на себя. — Встал, выпрямив спину (которой, впрочем, никогда не сгибал вообще), пожал Ольховскому руку и со сдержанной церемонностью вручил лист с тисненым коронным львом и «Юнион Джеком».

Кавторанг сделал глаза, от которых сдуло бы собаку Баскервильей. Англичане заплодировали, русские налили.

Таким образом, если кого винить во всем, так это англичан.

4.

А зимой коммодор Уоллпол прислал каперангу письмо. «Будем же веселиться, пока не вовсе состарились, — писал настырный англичанин, — ведь живем мы только раз, да еще в Англии и России: и то, и другое не пустяк, от любой из этих бед можно поседеть в одночасье...» Ольховского с этим письмом вызвали в бывший политотдел и долго пытали, что, собственно, англичанин имел в виду, еле открестился Ольховский. Странное какое-то письмо, с подколкой и несовременное, даже при помощи мюллеровского словаря и университетского трехгодичника Беспятых многое каперангу перевести не удалось.

Короче, в Англию Ольховскому после этого письма захотелось еще больше и особеннее. Кому ж не захочется повеселиться в Лондоне, пока не вовсе состарился, за счет Британского Адмиралтейства. А что коммодор шизанутый — мы у себя и не к таким привыкли, лишь бы платили.

В советские времена индивидуальное приглашение офицеру за границу, в капстрану, да еще член НАТО, да полученное лично в руки, да на официально-дружественной пьянке, причем вдобавок офицер этот — капитан первого ранга и командир корабля, а корабль, ему вверенный, — не тральщик какой-нибудь зачуханный, а

прославленный и весь из себя черт знает какой идеологический флагман всея державы и ее флотов революционный крейсер-музей «Аврора»!! — такое приглашение скорее всего могло стоить офицеру дальнейшей карьеры, невзирая на. Ни на что не взирая. Это было равносильно приглашению на Колыму. Вон Большой Дом на Литейном высится через реку.

Но в новые времена, когда за Родину бьются мастера машинного доения Западной коровы, задробить приглашение начальство могло исключительно из зависти. Зависть испытывают к тем, кто сумел больше надоить в свой карман. На «Авроре» же красть решительно нечего. Музей — он музей и есть, причем из тех, где ни бриллиантов короны в запасниках, ни сокровищ мирового искусства на стенах. Кради не хочу матросский чайник образца девятьсот первого года. Нищ, как вдовая церковная крыса, музейный сотрудник; и должность командира такого музея — род почетной ссылки, тупик полусостоявшейся карьеры. Команды всей — сорок человек, пищевого и вещевого довольствия на них выписывается с гулькин нос, топлива и прочего добра — и того меньше, и кукует себе господин командир на зарплату, которой и кукушке всегда не хватало на воспитание детей.

А ответственности — как у командира офицерского атомохода: сплошные иностранцы шастают, от экипажей нейтральных шведских фрегатов до султанов Брунея и прочих цветных набобов, красы и грозы джунглей третьего мира и почти того света. Только и трясись, как бы честь флота не уронить, за упомянутую-то зарплату, которую по полгода упоминают, пока наконец дадут: жрать не на что, но честь поддерживай и уронить не моги. Опомнишься однажды — а ронять-то и нечего. Инфляция.

И нахимовцы постоянно на корабле околачиваются. Практиканты. Училище напротив. А где практикант — там бардак: водка, анаша и пропажа латунных гаек, которые можно продать на цветмет. Боевая рубка на амбарный замок закрывается, штурвалы наводки орудий шкертами привязаны!

Конечно, нахимовец — дармовая рабсила: прибрать-покрасить. А все равно неприятно — не служба, а детский сад. И вообще Нахимов — фамилия подозрительная, нерусская какая-то, строго говоря, фамилия. «Нахим» — що це таке? В истории флота про то ничего не указано, но есть слух, что из кантонистов был, не еврейским ли душком припахивает.

Так что служба у капитана первого ранга Петра Ильича Ольховского — не мед, как может показаться какому-нибудь бедолаге из

Совгавани, гниющему годами безвылазно на своем железе по случаю отсутствия городской квартиры (если считать Совгавань городом). Родной флот позаботится, чтоб к каждой ложке меда офицеру неукоснительно прилагалось полбочки дегтя.

В управлении флота ему отцедили меда пипеткой: решение приняли соломоново, оно же традиционное. Сформировать делегацию из трех человек: один контр-адмирал из управления, второй — из штаба флота, а третьим с ними, в довесок, собственно приглашенный, каковой и едет на счет приглашающей стороны, согласно договоренности. Предложение это внес сам Ольховский: они там все наверху провернут, под это дело и его пусят.

В апреле делегация погрузилась на теплоход «Балтика» и немедленно выпила. Трепещи, гордая Англия, скоро мы тебя покараем!

5.

Во времена легендарные лейтенант Беспятых был бы либо комиссаром, либо комиссаром расстрелян. Во времена новые борьба за идеал затруднена отсутствием идеала, духовное пространство приобрело все черты финансового при отсутствии собственно финансов, и Беспятых, напевая песню своего отрочества «Мы охотники за удачей — птицей цвета ультрамарин», углубился в поиски истинного идеала, взыскуемого душой, доведенной происходящим до психоза.

На флот он попал случайно и, как обещали, временно. После философского факультета Университета поступил в аспирантуру и уже почти окончил диссертацию по теме «Развитие классической диалектики в русской философии начала XX века». Непосредственно после сдачи кандидатского минимума терпение у военкомата лопнуло, потому что число дезертиров и инвалидов по округу превысило норму призыва. Выскабливанию подверглись все сусеки, где могли самостоятельно передвигаться и знали таблицу умножения. Василеостровский военкомат забивал в том году флотскую разнарядку, и превзошедшего воинскую премудрость на военной кафедре университета Беспятых приписали к флоту. Как специалист по идеологии он должен был способствовать поддержанию революционно-исторической атмосферы на «Авроре».

Иезуитская мудрость властей сказывалась и в том, что из гуманитаров университета традиционно готовили артиллеристов. Очевидно, военная специальность должна была компенсировать граж-

данскую. Здесь усматривается связь с другой песней, еще более старой: «Артиллеристы, Сталин дал приказ!». Искусство ставить гуманитарную мысль на пользу государству относится к числу древнейших. Философская подоплека артиллеризма яснее всего проявилась в лозунге, некогда алевшем над пушками у входа в Первое высшее Ленинградское артиллерийское училище: «Наша цель — коммунизм!». Это было лучшим украшением Московского проспекта, повышавшим настроение прохожих в далекие семидесятые годы.

Философ-артиллерист Беспятых сдал на допуск к самостоятельному заведованию и стал врио командира БЧ-2. Господин старший стрелок.

И вот теплым апрельским воскресеньем, в тот по-особенному томительный час, когда день переходит в вечер и небо начинает литься в оттенки фруктового салата, а низкое солнце от Адмиралтейства слепит и бьет вдоль фасадов Невского, он фланировал по проспекту. Стилистика архаичного «фланировал» точнее всего передаст его походку, настроение и характер движения.

Он был в форме. Иногда ему нравилось вылезать в ней в город. Офицерская форма разнообразит и льстит самоощущению интеллигента. Оставаясь философом, одновременно он был боевым флотским лейтенантом: мудрость и лихая мужественность в одном флаконе. Форма стройнила и утверждала личность еще в одном качестве. Человеку свойственно играть не в того, кто он есть на самом деле. Такова психология маскарадной культуры.

Греемый в спину солнцем, он приблизился к павильону метро «Площадь Восстания», когда услышал за толпой прохожих ритмичный побряк и припев, а затем увидел и тех, кто издавал эти неправославные звуки.

Полтора десятка бритоголовых ребят в канареечных балахонах приплясывали и пристукивали в бубны. За шумом машин и призывом лотерейщицы непосвященный мог различить примерно следующее:

«О мама-мама мыла раму,
А Мата Хари мыла Кришну!»

Беспятых с удовольствием подумал о тонкой универсальности индуизма и изошренном богатстве его религий, вплоть до вот такого формально примитивного «экспортного» кришнаизма, когда одна из бритых голов показалась знакомой, причем неуместно знакомой. Неуместность заключалась в том, что голова принадлежала матро-

су с родного крейсера, и не было оснований сомневаться, что тело под ярко-яичным сари принадлежит ему же.

Будь лейтенант в штатском, он из уважения к чуждой ему, но безвредной и гуманной религии постучал бы перед матросом пальцем по лбу и проследовал своим путем. Но матрос, зацепив взглядом черную форму, ухмыльнулся с неудержимой радостью, и по этой беспричинной радости, а также по розовым, как у нежного кролика, глазам делалось понятно, что он хорошо подкурен.

Форма возобладала над содержанием: философ впал в офицерскую ярость. Матрос был оттащен за руку, освобожден от пацифистского одеяния, охарактеризован непотребно и отконвоирован на корабль.

В каюте, с нервного разгона проводя воспитание лично, Беспятых спросил с гадливой гримасой:

— Почему матросы зовут тебя Груней? Ты что... Груня?

— Никак нет, товарищ лейтенант. Я не голубой.

— Желто-розовый... коз-зел! Н-ну, что ты поешь по улицам... псалмопевец?

— Махамантру... товарищ лейтенант.

— Зачем?!

— У нас свобода вероисповедания, товарищ лейтенант.

— Что ты в этом понимаешь, балда? Или тебе лишь бы балдеть? Смир-на! Вольно! Садись! Кури! И не занимайся тем, в чем ничего не смыслит. Молчать! Тебе увольнение зачем дали?!

— Отдыхать...

— Отдыхать! А ты что? А ты знаешь, что сегодня на обед корову съел, кришнаит? Да это хуже, чем командира убить!

— Сколько той коровы... не разглядеть...

— Макароны с говяжьей тушенкой!

— Да не было там тушенки, товарищ лейтенант. Так, один запах. Если волоконце и попало случайно... А и съел, так лучше хоть отчасти искупить. Есть-то охота, вот и жрешь... Вообще-то я не знал, что это говядина.

— А ты думал — омар? Хайям?

— Я думал — свиная тушенка...

— Ну ты остряк. Ну ты дубина. Вообще мяса нельзя! Что — не знаешь?!

— Да какое там мясо на нашем камбузе... Это простится. Я дух просветлял...

— Долбаный ты дух! Ну подумай: как может кришнаит служить на военном корабле?